

Художник и время

ДОБРО НЕПОБЕДИМО

С ИНТЕРЕСОМ встретили ленинградцы новую постановку Театра имени Ленсовета — спектакль по пьесе Б. Васильева «Вы чье старичье?». Случилось так, что последние дни перед премьерой работали в тесном творческом контакте и коллентив театра, и автор, приехавший в наш город.

Сейчас зрители спешат попасть на спектакль, а мы беседуем с автором пьесы — писателем Борисом ВАСИЛЬЕВЫМ.

— Борис Львович, вначале — вопрос, который традиционно задает последний: ваши творческие замыслы? От какой новой работы отвлекла вас ленинградская премьера?

— У меня на столе незаконченными лежат сейчас две повести и один роман, поскольку я часто работаю над несколькими вещами одновременно. О повестях пока не скажу ничего, а вот роман рассказывает об истории одной семьи и называется «Дом, который построил дед». Дед — родоначальник семьи, поручик 1914 года, царский офицер, воевавший на стороне Советской власти. С него и начинается семейная хроника...

Недавно я закончил повесть, которая нигде еще не напечатана. Геронья ее была на фронте командиром стрелковой роты, а, вернувшись с войны, стала директором школы. Но четыре военных года когда ей приходилось быть жесткой суровой, подчас даже беспощадной, необратимо изменили ее.

Она уже не может стать няней, она как будто выбита из жизни своим военным прошлым, и это оборачивается полным одиночеством.

— Ваши произведения о войне сразу сделались заметны, несмотря на то, что эта тема в советской литературе разрабатывается давно и плодотворно. Что она означает для вас?

— Действительно, тема войны в советской литературе по-прежнему современна, актуальна. Это и понятно: такого потрясения, каким стала для нашего народа Великая Отечественная война, мы никогда не переживали. Это потрясение испытано не только моим поколением (я на фронте с 8 июля 1941 года, в первом бою участвовал восемнадцати лет), оно отразилось на наших детях, эхом отзывается на наших внуках.

Я написал три книги о войне и хотел в них показать как бы три ее лика. В повести «А зори здесь тихие» рассказать о войне как о жесточайшем испытании. Пятеро девочек, оказавшихся на фронте, не в силах противостоять мощи германской военной машины. На войне тяжело приходилось мужчинам, что же говорить о женщинах... И гибнут они не потому, что автор так решил их судьбу, а просто: война — не женское дело.

В романе «В списках не значился» хотелось сказать о

том, что если человек обладает высокой нравственностью, если он живет и действует по совести, то в тяжелый для Родины час он станет героем, даже сражаясь в одиночку.

А повесть «Встречный бой» — это протест против бессмысленных потерь на войне. Генерал, который стремится накануне победы выиграть последний бой и забывает при этом о высокой цене каждой человеческой жизни, не может быть оправдан...

Когда эти три вещи были уже написаны, меня стал мучить вопрос: а кто же они были — те, кто вынес эту войну на своих плечах? Откуда они взялись, эти мальчишки и девочки, максималисты, ушедшие на фронт со школьной парты? Как выросли они такими? Так появился роман о предвоенной школе «Завтра была война».

Еще одна тема живет во мне, как ощущение долга. Это долг перед старшим поколением воевавших. Я хотел бы протянуть нить от гражданской войны к Отечественной, потому что и в гражданской и в Отечественной участвовали люди одного поколения — поколения моего отца.

— Сегодня о войне пишут иначе, чем, скажем, пятнадцать—двадцать лет назад. Как, на ваш взгляд, станет меняться эта тема в будущем?

— Конечно, стали писать иначе, «фокус», что ли, смес-

тился. Вспомним самые первые, «лейтенантские» романы Бондарева, Бакунова. Чуть позже мы стали думать: а где же солдаты? И появились романы о тех, на чью долю пришла вся тяжесть войны, «солдатские» романы. А Кондратьев сегодня исследует столкновение юности с жестокоей, беспощадной военной реальностью.

Я убежден, что военная тема всегда будет звучать в нашей литературе до тех пор, пока будет жива народная память.

Я сам не причисляю себя к военным писателям, поскольку написал лишь три вещи на военную тему. Но есть люди, как Быков или Богомолов, которые не могут писать ни о чем другом: настольно война пронзила их. Это люди, насквозь, на всю жизнь простреленные войною. Вместе с тем всем нам трудно пойти дальше собственного окопа и собственного опыта.

Возможно, главный роман о войне будет написан через полвека, и создаст его не тот, кто участвовал в этой войне. Просто потому, что этот человек сможет охватить все.

Такие примеры в литературе есть, это прежде всего Лев Николаевич Толстой.

— Вы сказали: «...если человек поступает по совести». Именно эта категория — совесть — главная мера и важнейшая точка отсчета для героев многих ваших книг.

— Может быть потому, что это в жизни — главная точка отсчета, которую нельзя не учитывать. Читая книгу, я хочу знать, где я должен возмутиться, заплакать, стукнуть кулаком по столу, наконец. Читать книгу можно в тапочках, писать в тапочках нельзя. Нельзя благодушеествовать. Писатель должен будить совесть читателя — это не новая мысль.

Сейчас как-то много разговоров, что наше время — это, дескать, не время сильных страстей. Но в искусстве, мне кажется, обязательно должны присутствовать сильные страсти. И если вы яростно писали, то эту ярость ощутит и читатель. Если у вас есть о чем кричать, то и будет крик. А если нет, то, может быть, и вовсе не надо писать.

И если я вижу, понимаю что-то, ощущаю, как боль, значит, я обязан об этом написать. И вполголоса не получится...

Есть вещи в современной жизни, которые очень меня беспокоят. Меня беспокоит, в частности, то, что мы забываем подчас о воспитании души, о воспитании воли в молодых людях.

Мое поколение выросло на примерах мужества и воли. Помню, что у нас просто культ воли был, он шел к нам от времен гражданской войны. Редкий парень тех лет решился бы сказать, что ему больно, страшно — скорее, язык бы отвалился. Теперь не стесня-

ются: «мне больно»... Как будто это естественно. А ведь для мужчины естественно прежде всего быть мужчиной.

Кстати, сильная волевая личность не боится и проявлять сострадание. В рассказе «Великолепная шестерка» я хотел показать ребят, которые и спортом занимались, и астрономию знали, и много чего еще, но смогли проявить полное и абсолютное равнодушие к животным, равнодушие, обернувшееся трагически.

— Сострадание — это ведь нерв и рассказы «Вы чье старичье?», по которому написана пьеса.

— Да. Сочувствие, сопереживание и, как результат этого, — уважение к человеку, ко всему живому, в том числе к природе должно быть привито воспитанием, личным примером.

Мне, должен сказать, повезло. Мой отец был для меня примером во всем. При мне ни одного лживого слова никогда не сорвалось с его уст. Ни один мой вопрос не оставался без ответа. Он не уставал восхищаться прекрасным, он понимал, что ребенок на этом воспитывается. Плохо, когда мы, родители, перекладываем проблемы воспитания на плечи яслей, детских садов, школ.

Современные дети иногда больше знают о слабостях своих родителей, чем об их достоинствах, потому что родители не стыдятся выказывать свои слабости при детях.

Помню, что мой отец никогда, до последних своих дней, не садился в общественном

транспорте. Офицер, считал он, не имеет права сидеть в пригородном транспорте. И старик стоял. А сейчас молодые офицеры сидят. Это ведь не мелочь, из таких «мелочей» складывается поведение в обществе, лицо общества.

Молодежь сегодня прекрасно одета — модно, красиво. Но как много стали значить вещи! Да, люди должны выглядеть красиво, в вещи создаются для людей, для того, чтобы ими пользовались. Но плохо, если вещи вторгаются в человеческую жизнь, заменяют или измеряют человеческие отношения.

Вспомним, что имели в нашем прекрасном городе когда-то молодые люди из семей, в которых, кажется, было все, что могло быть у богатых дворян в России XIX столетия, пришли на Сенатскую площадь умирать за «бесплотные» идеалы.

На Сенатской стояла малая доля русского офицерства, но сколь многие потом брали с них пример...

— О чем, Борис Львович, спектакль, поставленный Театром имени Ленсовета в сотрудничестве с вами?

— Знаете, я радуюсь, когда меня приглашают работать в театр или кинематограф. Радуюсь, получая возможность донести свою мысль до тысяч людей. При этом мне важно, чтобы основная мысль рассказа, пьесы была верно прочитана режиссером, понята и не искажена. А мысль проста — добро непобедимо.